

Тургенев в философской перспективе: российский дискурс*

© 2019 г. О.А. Жукова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

E-mail: ozhukova@hse.ru

Поступила 27.11.2018

В статье показана философско-историческая оптика романов Тургенева, его особый аналитический метод исследования русской культуры. Автор рассматривает философскую полемику вокруг Тургенева-романиста и мыслителя. По мнению критиков, романы И.С. Тургенева являются энциклопедией русской жизни. Однако тургеневский метод изображения явлений русской действительности нельзя считать только литературным приемом. Его мастерство не сводится к определению «психологический реализм». В современной научной литературе все еще мало работ, которые бы рассматривали романы Тургенева в рамках философии российской истории и культуры. Это обстоятельство создает дополнительные трудности в исследованиях, посвященных Тургеневу. Автор анализирует российский интеллектуальный дискурс в диалоге с западной традицией интерпретации творчества писателя. В работе реконструируется интеллектуальный профиль Тургенева как философа истории и социального аналитика. Формулируется тезис о возможности трактовки его романов как опытов социально-философских исследований российского общества и аналитики русской истории и культуры. В статье обсуждается философско-исторический смысл романов писателя, а также горизонт социальной прогностики Тургенева-мыслителя.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, русская культура, философия российской истории, социальная типология, революционеры, народники-революционеры, русская интеллигенция.

DOI: 10.31857/S004287440005742-1

Цитирование: Жукова О.А. Тургенев в философской перспективе: российский дискурс // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 162–174.

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Turgenev in Philosophical Viewing: Russian Discourse*

© 2019 г. Olga A. Zhukova

National Research University Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya str.,
Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: ozhukova@hse.ru

Received 27.11.2018

The article discusses the philosophical and historical optics of Turgenev's novels, and his special analytical method in research of Russian culture. The author examines the philosophical debate on Turgenev-novelist and thinker. According to critics, Turgenev's novels are an encyclopedia of Russian life. However, the Turgenev's method of depicting the phenomena of Russian reality can not be considered only a literary technique. His skill is not limited to the definition "psychological realism". Still there are no studies that would consider Turgenev's novels within the framework of the philosophy of Russian history and culture in contemporary Humanities. This fact gives additional difficulties in studies on Turgenev. I analyze the Russian intellectual discourse in dialogue with the Western tradition Turgenev's studies. The paper reconstructs Turgenev's intellectual profile as a philosopher of history and social analyst. The article formulates a thesis the possibility of interpretations of his novels as essay on social and philosophical problems of Russian society and Analytics of Russian history and culture. The article discusses the philosophical and historical meaning of the writer's novels, as well as the horizon of Turgenev-thinker's social prognostics.

KEY WORDS: Ivan S. Turgenev, Russian culture, philosophy of Russian history, social typology, revolutionary populists, Russian intelligentsia.

DOI: 10.31857/S004287440005742-1

Citation: Zhukova, Olga A. (2019) 'Turgenev in Philosophical Viewing: Russian Discourse', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7. (2019). pp. 162–174.

Тургенев в русском интеллектуальном контексте. Переосмысление наследия

Расширение философской перспективы в изучении и интерпретации творческого наследия И.С. Тургенева является сегодня объективно назревшей ситуацией. С одной стороны, состоявшийся двухсотлетний юбилей великого писателя дает основание как для обобщения достигнутых тургеневедением результатов, так и для ревизии существующих концепций. С другой стороны, философское видение творчества Тургенева, как представляется, задано самой ролью литературы в интеллектуальной истории России, где она выступает важнейшей составляющей сложного процесса исторического самопознания — культурной и политической самоидентификации нации¹. Взаимодействие философского и литературно-художественного дискурса в русской культуре носит специфический характер, что объясняется исторически сложившейся смысловой обусловленностью литературы и философии, общей для них устремленностью не только к метафизическим темам и религиозным идеалам, но и к концептуализации социальной и цивилизационно-исторической проблематики национальной жизни. В русской классической культуре

* The article was prepared during the course of work under the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE) and with the use of subsidies within the state support of the leading universities of the Russian Federation "5–100".

XIX в. литература присваивает себе публичный интеллектуальный дискурс и тем самым компенсирует слабость национальной философской школы, беря на себя функции историко-философской рефлексии, нравственного и культурного самопознания. Высказываясь по вопросам эстетики и этики, метафизики, философии религии, культуры и истории, художественная литература, по выражению А.Ф. Лосева, оказывается «...кладезем самобытной русской философии» [Лосев 1991, 214], поскольку сама русская мысль непосредственно связана с действительной жизнью, имеет практически ориентированную на жизнь форму. Все это позволяет нам поставить вопрос о философской актуализации художественного и интеллектуального наследия И.С. Тургенева в современном историко-культурном контексте.

Взгляд на Тургенева как на выдающегося мастера литературы восходит к традиции русской критики второй половины XIX – начала XX вв. Интерпретаторами Тургенева подчеркивалось способность писателя даже трафаретные положения искупить «...обновляющим старые темы богатством переживаний и наблюдений и искусством художника» [Мазон 1931, 56]. Впечатления, произведенные романами Тургенева, в оценках читателей и критиков сформировали устойчивое отношение к писателю как к блестящему стилисту и знатоку русской жизни, способному передать дух и важнейшие черты своего времени [Батюто 1972]. Однако появление любого из шести романов Тургенева, опубликованных с 1856 по 1877 гг., вызвало острые дискуссии в русском обществе. Poleмика по поводу их идейного содержания отражала борьбу либеральных, консервативных и революционных умонастроений, спровоцированных драматическим процессом духовных и политических изменений периода правления Александра II.

Напрашивается вопрос: возможно ли более масштабное понимание Тургенева-писателя не только как глубокого автора, но и самостоятельного социального мыслителя, исследователя духовных и социальных сторон русской культуры, тяготеющего к социально-историческому методу изображения явлений русской жизни? Можно ли трактовать произведения всеми признанного художника-психолога как объективные зарисовки социального аналитика, своего рода опыты социологических наблюдений и философских обобщений над многообразными событиями и процессами, происходящими в русском обществе? С этой точки зрения я предлагаю посмотреть на опыт Тургенева-романиста, выделив в нем, пожалуй, самый проблемный в наследии писателя роман «Новь»².

Известно, что последний роман Тургенева был принят критиками и читателями неоднозначно. «Новь», затронувшая проблему идейного противостояния в русском обществе, активно изменявшемся в эпоху великих реформ, вызвала раскол в среде интеллектуалов. «И консервативная и либеральная партии остались недовольны, ибо по столь острому жизненному вопросу каждая как будто хотела увидеть Тургенева ярким партизаном своих рядов», – остроумно писал по этому поводу историк русской литературы А.Е. Грузинский [Грузинский 1918, 181]. Сторонники демократического лагеря считали, что в романе Тургенев изобразил народников-революционеров – «новых людей» русской истории – социальных активистов пореформенной эпохи. Характерен сочувственный отклик одного из идеологов русского народничества Петра Лаврова, который считал, что Тургеневу в целом удалось создать «...нравственный облик русского революционера, оклеветанного романистами школы г-на Каткова» [Лавров 1967, 197–207]. Напротив, среди не принявших роман оказались тогдашние лидеры общественного мнения и «властители дум»: Ф.М. Достоевский, создавший в «Бесах» карикатурный образ Тургенева – либеральничавшего писателя-буржуа Кармазинова, Л.Н. Толстой, первоначально составивший мнение о «Нови» с чужих слов, консервативный мыслитель Н.Н. Страхов, идейно далекий от мировоззренческой позиции Тургенева, религиозный философ В.С. Соловьев, который считал, что социально-психологический реализм романиста не обладает духовной глубиной.

Показательно, что обращение Тургенева к теме русского революционного движения вызвало раздражение Достоевского, давшего художественный анализ природы русского сознания, заражающегося нигилизмом и революционаризмом, в романе «Бесы», опубликованном пятью годами ранее. Достоевский категорически не принял идейную концепцию романа Тургенева, о чем прямо высказался на страницах

«Дневника писателя». Весь роман, по его мнению, мог быть сведен к нескольким строкам характеристики Соломина, но мысль Тургенева, вложенную в образ делового человека из народа, проявляющего интерес к молодым революционерам, Достоевский отверг: «К сожалению, этот взгляд совершенно ошибочен, и я с ним глубоко не согласен» [Достоевский 1989, 380]. В отношении же Толстого к сочинению Тургенева определяющую роль сыграла резко негативная критика Н.Н. Страхова. С высоты своего писательского успеха Толстой, опубликовавший «Анну Каренину», вроде бы и сочувствуя Тургеневу, но скорее, пренебрежительно заметил, что «...ключ чистой и прекрасной воды засорился такой дрянью» [Толстой 1984, 795]. Через какое-то время Толстой попытался прочитать роман, но бросил, пожаловавшись на скуку. Основную мысль Тургенева в романе Толстой счел неоригинальной и обыденной: «В конце он заставляет говорить Паклина, что несчастье России в особенности в том, что все здоровые люди дурны, а хорошие люди нездоровы. В этом и мое и его собственное суждение о романе» [Там же, 798].

На фоне пристрастных высказываний двух великих романистов, не избежавших соблазна быть идеологами и воспитателями русского общества, критические суждения Владимира Соловьева подкреплены культурфилософской аргументацией. Философ-мистик Соловьев, придерживавшийся христианско-либеральных убеждений, в логике своих рассуждений об историческом и религиозном призвании России, счел роман не отвечающим духу и проблемам реальной русской жизни. Он, по сути, отказал Тургеневу в историческом чувстве и способности к предвидению, отмечая отсутствие историсофской перспективы в творчестве писателя. В знаменитой первой «Речи в память Достоевского» Соловьев прибегает к сравнению художественного мира Достоевского и Тургенева, подчеркивая, что только Достоевский смог изобразить не *быт* общества, а взять и осмыслить историческое явление в жизни России — *общественное движение*, которое он сделал главным предметом своего творчества [Соловьев 1991, 233]. Если судить Тургенева по лучшим произведениям (к ним Соловьев относит «Записки охотника» и «Дворянское гнездо»), то они «...представляют чудесные картины никак не общественного движения, а лишь общественного *состояния*, — того же старого дворянского мира, который мы находим у Гончарова и Л. Толстого» [Там же, 233–234].

Для нашего исследования важно следующее рассуждение Соловьева. Убеждая читателей в отсутствии исторического чутья у Тургенева, его неспособности понять духовно-культурную природу социальных процессов, Соловьев приводит в качестве доказательства именно роман «Новь»: «Хотя затем Тургенев постоянно следил за нашим общественным движением и отчасти подчинялся его влиянию, но смысл этого движения не был им угадан, и роман, специально посвященный этому предмету (“Новь”), оказался совершенно неудачным» [Там же, 234]. Соловьев настаивает на своем тезисе, и в тексте «Речи» делает специальную ссылку. Желая еще раз подчеркнуть силу творческой интуиции Достоевского, он противопоставляет ей социально-историческую ограниченность Тургенева. Об авторе «Бесов» Соловьев говорит не только как о писателе, который может предугадать повороты общественного движения, но и заранее *судить его* [Там же]. Что касается Тургенева, то Соловьев едва ли не полностью отказывает ему в исторической прозорливости: «Хотя Тургеневу принадлежит слово “нигилизм”, в общеупотребительном его значении, но практический смысл нигилистического движения не был им угадан, и позднейшие его проявления, далеко ушедшие от разговора Базарова, были для автора “Отцов и детей” тяжкою неожиданностью» [Там же].

С точки зрения Соловьева, Тургенев подметил некоторые процессы в русской исторической жизни, но не приблизился к социальной правде. Вывод Соловьева: Тургеневу не хватило исторической интуиции и моральной зоркости, в то время как вопросы духовно-метафизические он просто не поднимал. Согласно Соловьеву, Тургенев не имел идеала, а, значит, не мог оценить отклонения от него, в то время как «...высший идеал общества», в его метафизическом христианском смысле, как и путь к его достижению, стали основным содержанием творчества Достоевского [Там же, 235].

Высказывания Достоевского, Толстого и Соловьева ярко отражают основные направления критики «Нови» в дореволюционной литературе, подхваченные более поздними интерпретаторами. Обобщая основные направления критики романа,

французский исследователь Андре Мазон отметил, что Тургенев, видимо, «...был озабочен мыслью написать произведение с социальной установкой» [Мазон 1931, 105]. Мазон приходит к нелицеприятному для автора «Нови» заключению, что на этот раз верное и тонкое чувство реальности у Тургенева ослабло [Там же]³. Бесспорно, имеющиеся суждения о «Нови» авторитетны, однако разделить негативную точку зрения на последний роман Тургенева как на «потерю таланта» писателем, от которого ожидали изображения «...важных вопросов современности» [Грузинский 1918, 6], но эти надежды не были им оправданы, представляется неверным и несправедливым. Должно быть оспорено и *главное обвинение* Вл. Соловьева в адрес Тургенева по поводу отсутствия у него нравственной оценки происходящего в России и неспособности произвести глубокий социально-философский анализ. По мнению религиозного мыслителя, если бы Тургенев обладал, подобно Достоевскому, философской оптикой, то смог бы создать в романе духовную и социальную перспективу многообразных явлений русского общества, и вышел на уровень философско-исторических обобщений, ожидаемых Соловьевым.

Выскажу предположение, что Тургенев в своем последнем романе как раз стремился соответствовать подобным ожиданиям. Он намеревался сделать масштабный художественный срез современности, еще раз обратившись к образу молодых людей, к их участию в жизни пореформенной России, о чем признавался в письме к М.Е. Салтыкову 3 (15) января 1876 года, призывая *подождать его нового романа* [Тургенев 2012, 11]. Предметом изображения писатель сделал носителей новых идей – социальных агентов российского общества 1870-х гг., и в своей оценке русской жизни, ее социальных перспектив, горизонт исторического видения и политической прогностики Тургенева оказался очень высоким. Увлеченные идейной борьбой, великие современники писателя не смогли этого заметить. Однако ничто не препятствует сегодня посмотреть на социально-историческую оптику Тургенева-романиста без предвзятости его литературных конкурентов и политически ангажированных критиков. В связи с романом «Новь» мы можем оценить опыт философско-исторического анализа Тургенева в перспективе событий, приведших Россию к глобальному культурному и политическому катаклизму – к большевистской революции. Если ставить вопрос в таком ключе, то справедливо ли рассматривать роман «Новь» в качестве источника по социальной и политической истории пореформенной России, имея в виду горизонт национальной катастрофы начала XX в., а в работе Тургенева-романиста видеть специфический аналитический метод художественной верификации социальных явлений русского исторического процесса? Какие аргументы могут быть противопоставлены, с одной стороны, мнению Соловьева, с другой, советскому литературоведению с его трактовкой революционного народничества в романе? [Зильберштейн 1968; Буданова 1983]. Что может убедить нас в том, что Тургенев – это автор, обладающий историческим предвидением *философа* и мощной социальной интуицией *аналитика культуры*, превосходящей обыкновенную художественную способность к обобщению психологических черт героев?

Моя гипотеза заключается в том, что недооцененный современниками тургеневский метод художественного наблюдения за особенностями социального поведения и мышления людей, включенных в социальные и культурные процессы российской действительности, способен расширить наше представление о философско-историческом познании, как таковом. Это позволяет отойти от трактовки истории только как нарратива прошлого и рассмотреть текст романа с позиции описания и анализа современной автору социальной истории России – ее идеи, выраженной в идеалообразующей стороне жизни народа как культурной и политической нации. В случае с опытом Тургенева-романиста философско-историческое познание тогда можно понимать как специфическую форму социальной аналитики, политической прогностики и построения вероятностного сценария развития русской культурной и политической истории второй половины XIX в. с проекцией в будущее.

Тургенев – философ истории и социальный аналитик

Сошлюсь на высказывание историка русской мысли В.В. Зеньковского о Тургеневе как о писателе, обладавшем философским складом ума, оригинальным видением

реальности природы, человека и истории. Для Зеньковского Тургенев – чуткий писатель и социальный мыслитель, способный в художественно-аналитической манере дать яркое описание русской действительности, показать суть исторических событий. Зеньковскому интересен Тургенев как автор философского типа, реалист и психолог. Он справедливо указывает, что вопрос о мирозерцании Тургенева **постоянно** находился на периферии [Зеньковский 1958, 199]⁴. В то время как в истории общественной мысли, по мнению Зеньковского, Тургенев может быть сопоставлен с такими авторами, как Герцен, Михайловский, Кавелин [там же, 200]. И если писатель не обладает целостным мировоззрением, поскольку, по словам Зеньковского, в нем отсутствует глубокий религиозный настрой и метафизическая перспектива, то как исключительно одаренный, тонкий художник Тургенев является исследователем человеческой души – *философским антропологом*, чувствующим трагизм бытия [Там же, 213–214].

В подтверждении философской ситуации вокруг Тургенева, отмеченной В.В. Зеньковским, подчеркну, что в современной литературе по-прежнему нет обстоятельных работ, которые бы трактовали Тургенева как социального аналитика и философа, дающего свой прогноз культурно-исторического развития России. По существу, эта тема только оформляется в российских исследованиях⁵. Восполнение данного пробела – значимый аргумент, говорящий в пользу необходимости философского переосмысления творчества Тургенева. Он подтверждается и общими изменениями, происходящими в самой философско-исторической науке. Здесь существуют две проблемы.

Первая проблема связана с поворотом в сторону интеллектуальной и культурной истории, интересом к локальной истории, обогащением социальных и политических сюжетов персонализированной историей и историй творчества [Репина 2014]. Помимо обогащения техники исторической нарратива, характерной для западного дискурса [Iggers, Wang, Mukherjee 2008], актуальной становится проблема культурной памяти [Миллер 2016, 111–121]. В этом контексте само понятие истории как исследования прошлого становится неполным, вызывая постоянно возобновляющиеся споры о том, что должно быть предметом исторического исследования – социально-политические процессы или феномены творчества. *Вторая* проблема, дающая нам основание настаивать на новой интерпретации наследия Тургенева и аналитической реконструкции интеллектуального профиля его творчества, связана непосредственно с российской ситуацией в области философии истории и культуры. Она отличается стремлением отечественных исследователей отойти от метанарративов государственнической школы и идеологического канона политизированной истории России советского образца [Жукова 2007, 1–10], где русская литература была встроена в жесткую идеологическую схему.

Эта ленинская историсофия, изложенная в известной каждому советскому школьнику статье «Памяти Герцена», объясняла логику социальных и политических процессов в России. В ней эстафета освободительного движения передавалась от дворян-декабристов Герцену, революционерам-разночинцам, Чернышевскому и, наконец, героям «Народной воли» [Ленин 1968, 261]. Понятно, почему самые почетные места идеология отводила Герцену и Чернышевскому. Либерал-западник Герцен был отвоеван большевиками и их политическими преемниками у либерально-западнического и прогрессистского крыла общественной мысли, а демократ Чернышевский определен в революционные *святцы*. Не меньшую ценность в этом ряду представляло творчество Тургенева с его пусть умеренной, но все же оппозиционно-эмигрантской историей барина-аристократа. Тургенев почитался как автор, который написал самое яркое антикрепостническое произведение «Записки охотника», вывел на сцену русской истории в «Отцах и детях» прототип ниспровергателя основ общественной жизни – нигилиста, в романе «Накануне» изобразил революционера-романтика, и в последнем своем крупном сочинении, в «Нови», создал образы революционеров-народников [Клеман 1930]. Либеральные идеи Тургенева в подобных интерпретациях или опускались, или подвергались ожидаемой критике с революционно-демократических позиций. В своей оправдательной части критика сводилась к антикрепостническому пафосу произведений Тургенева, к его симпатии к революционно настроенной молодежи, к озабоченности художника проблемами социального переустройства царской России, к писательскому дару изображения старых и новых реалий русской культуры и социальной действительности.

Парадоксально, но советское литературоведение, транслировавшее канон ленинской философии истории, стало своеобразным идеологическим опровержением тезиса Владимира Соловьева об историческом «неведении» Тургенева. Поскольку русская литература служила, согласно ленинской формуле, зеркалом русской истории, кульминацией которой стала революция, то Тургенев с его образами русских нигилистов и народников-революционеров был вписан в историческую логику политической борьбы как ее сочувствующий попутчик и предвестник.

В этой борьбе идеологических дискурсов против ленинской схемы, приватизировавшей Тургенева, выступил религиозный мыслитель С.Л. Франк. Однако в оценке творчества Тургенева он оказался также и оппонентом Соловьева. Франку, пережившему три русских революции, дар исторического предвидения и социального анализа Тургенева был очевиден. На стороне Франка против христианского либерала Соловьева выступила сама *правда истории*. Только, в отличие от большевиков, русская революция была для философа не началом нового мира, а *концом* исторической России.

В своей знаковой статье эмигрантского периода «Из размышлений о русской революции» (1923) Франк прослеживает исторический генезис катастрофы, случившейся с Россией. Он отмечает, что русская революция началась гораздо раньше 1905 и 1917 гг. В ее социальной и психологической предыстории находится движение декабристов, идейное западничество Белинского и революционный анархизм Бакунина. Но как общественное движение, указывает Франк, оно начинается в конце 1850 — начале 1860-х гг., именно с «...момента появления в литературе и общественной жизни разночинца-нигилиста» [Франк 1994, 17]. Важно, что Франк рассматривает литературных героев и их реальных прототипов как параллельно возникающие явления, свидетельствующие о глубинных трансформациях в русском обществе, которые в результате привели к историческому обвалу России: «Первые признаки разрыва и надлома, кончившегося в наши дни ужасающим обвалом, описаны Тургеневым в разладе между “отцами и детьми”» [Там же, 17]. Франк считает, что ненависть Базарова к барину-либералу Кирсанову по духовным основаниям ничем не отличается от ненависти большевиков [Там же]. По Франку, романы Тургенева стали социальными маркерами времени. Как очевидец революционной катастрофы, Франк показывает прогностический горизонт творчества писателя, свидетельствуя, что Тургенев за *полвека до трагических событий в России* диагностировал важнейшие проблемы ее духовного и политического бытия, фиксируя невидимые многими внутренне процессы в моральном сознании и идеальном строе русской культуры. В противоположность Соловьеву, говоря об исторической прозорливости Тургенева, Франк прямо указывает на то, что литературный факт стал фактом истории, а художественный сценарий — *исторической реальностью*.

Эта послереволюционная линия оценки Тургенева как философа русской истории и культуры нашла развитие в работах зарубежных исследователей XX в. Исайя Берлин, значительно повлиявший на формирование либеральной традиции интерпретации русской мысли, отмечает, что Тургенев, как и многие большие русские писатели, был «...глубоко и болезненно обеспокоен состоянием своей страны», вследствие чего его талант выходит за пределы писательской характеристики: «...наблюдатель-психолог и изысканный стилист» [Berlin, 2008, 301]⁶. По его мнению, романы Тургенева художественно и содержательно преодолевают ограниченность беллетристического жанра, представляя собой «...наилучший отчет о социальном и политическом развитии» русского общества, как ее либеральной элиты, так и радикально настроенной молодежи [Там же]⁷.

В контексте этих рассуждений возникает вопрос: справедливо ли считать литературное содержание романов Тургенева историческим свидетельством, а самого автора представить не только летописцем русской социальной и культурной истории, но ее исследователем, использующим методы наблюдения базисной (элементарной) социологии, философско-исторической аналитики и прогностики социальных процессов? Можно ли видеть в этом произведении на много более объемную картину интеллектуальной и политической жизни пореформенной России, нежели эпизод русского революционного народничества, — картину, которая создается благодаря методу эмпирического наблюдения за широким классом общественных и психологических явлений, с их последующим аналитическим структурированием и типологизацией?

«Новь»: аналитика русской истории и культуры

Определяя вклад писателя в общественно-культурное развитие России, критик П.В. Анненков сказал, что Тургенев «...сделался в России летописцем и историком умственных и душевных томлений всего своего времени по разрешению настоятельных запросов пробужденной мысли, очнувшегося ума и сердца, которые не знали покамест, как найти для себя выход и что с собой делать» [Анненков 1983, 314]. Согласно Анненкову, значение Тургенева можно видеть еще и в том, что он первым приоткрыл завесу в понимании крестьянства, чаяний и представлений этого молчаливого большинства русского народа, как граждан и мыслитель-художник, оказавшийся на высоте политической и культурно-просветительской задачи по исправлению болезней национальной жизни. Основная же заслуга Тургенева, как считает Анненков, состоит в открытии особенного творчества на Руси — творчества «в области идеалов»: «В сущности, вся литературная деятельность Тургенева может быть определена как длинный, подробный и поэтически объясненный реестр идеалов, какие ходили по русской земле между разнородными слоями ее образованного и полубразованного населения в течение 30 лет и посреди обычной обстановки жизни и суровых условий существования, в которых она вращалась» [Там же, 314]. Соглашаясь с Анненковым, можно утверждать, что Тургенев стал интересен другим европейским нациям, прежде всего, как художественный *исследователь-аналитик* русского мира, создавший стереоскопическую картину национальной жизни. Собственно, в этом уникальном русско-европейском культурном синтезе и заключался эстетический, моральный и исторический *идеал* самого Тургенева, который философ Соловьев не нашел в его романах «общественного содержания».

По сути, своими художественными произведениями Тургенев писал интеллектуальную историю России как историю просвещения. Придерживаясь ценностей европейского модерна, с их акцентом на личные и политические свободы, Тургенев в либеральном духе считал основанием исторического прогресса знание, образованность, творческое развитие человека и общества, видя в этом и критерии литературного труда [Тургенев 1983, 95]. Писатель остался верен своей философской идее просвещения во взглядах на российскую историю, возлагая надежду на молодежь, на дело исправления ею многих неправильностей русской жизни. Руководствуясь этим культурно-просветительским идеалом, он ожидал, что в поколении *детей* явятся «новые Грановские и новые Белинские», будут дарованы «новые Пушкины и Гоголи», составившие гордость и славу поколения *отцов*, заложивших мощный фундамент русской культуры [Тургенев 1986, 337].

Высокие просветительские устремления Тургенева, о которых писатель публично заявил на праздновании, устроенном в его честь в 1879 г., можно считать главным мотивом, исторически и морально оправдывающим собственное творчество. В этом свете последний роман «Новь», написанный о молодых и адресованный в первую очередь молодому поколению, предстает важнейшим опытом Тургенева по изучению и анализу новой генерации людей — формирующейся социальной и духовной силы, которой предстояло строить настоящую и будущую Россию и, как хотел писатель, преобразовывать русский социальный порядок на nive просвещения.

В данной историософской перспективе корпус романов Тургенева, который открывается публикацией «Рудина» и завершается романом «Новь», возможно, по моему мнению, рассматривать как культурно-исторические очерки, содержащие в себе специфический художественно-философский опыт описания и анализа социальной реальности. Романы Тургенева отражают многообразные процессы, происходящие в разных социальных слоях Империи — в образованном обществе, в среде нарождающейся буржуазии, рабочего класса и крестьянства. Шесть романов Тургенева, события которых охватывают ключевое для российской политической истории двадцатилетие, можно рассматривать как социологические срезы русской интеллектуальной и социальной истории, представляющие собой лонгитюдное исследование *социокультурной динамики* России. Их аналитической составляющей является социальная типология русской культуры и общества в многообразии социальных групп, классов, институтов, социальных интеракций, идеалов, ценностей, представлений.

Тургеневские романы, изображавшие существующие или только зарождающиеся идейные движения, духовные процессы и идеалы, смоделировали сценарий социальных и политических событий, которые состоялись в реальности. Писатель продемонстрировал силу предвидения – особую аналитику и интуицию в области прогнозирования моделей поведения человека, его поступков, определяемых убеждениями и идеями. В данном контексте эвристическая, прогностическая и нравственная ценность литературного высказывания Тургенева оказалась выше, чем у социальных аналитиков и политических деятелей разных мастей. Это дало повод Ф.А. Степуну сказать, что для решения судьбы русского народа два барина, Тургенев и Толстой, ранее всех политических эмансипаторов, уже давно осуществили ту «...степень понимания мужика и любви к нему, до которой пока что очень еще далеко не только Третьему, но и Второму Интернационалу» [Степун 2009, 380].

Для создания психологически достоверного художественного образа, нового духовного типа в дворянской и разночинной среде революционной интеллигенции, Тургенев использовал реалистические приемы описания социальных акторов, действующих в русском социуме, мотивацию и поступки которых можно было аналитически выявить и типологизировать, объяснить их взаимодействия и смысловую обусловленность в социальном поле культуры. Хорошо известно «Дело 50 пропагандистов», говорящее в пользу потрясающей способности Тургенева давать обобщение, поднимающегося до предвидения⁸. Опубликовавшего роман «Новь» Тургенева, по его собственному признанию, обвинили в сговоре с революционерами: «Сперва уверяли, что я все это выдумал; что, живя почти постоянно за границей, я потерял всякое понимание русской жизни, русского человека; что одно лишь мелкое самолюбие да склонность к популярничанью водили моим пером <...>. А потом, после известного процесса, оправдавшего большую часть того, что называли моими выдумками, судьи мои принялись толковать другое: будто я сам чуть ли не участвовал в тех неблагоприятных замыслах и, уж конечно, знал о них, ибо в противном случае – как бы мог я предвидеть и предсказать заранее?» [Тургенев 1982⁵, 394–395].

Это впечатляющее доказательство силы аналитической способности и предвидения Тургенева, который смог вычленил социальное явление в момент его возникновения и кристаллизовать его в художественный образ, обозначив социально значимый тип «романтиков реализма», «...которые тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу» [Тургенев 1982⁵, 399]. В изломанности судьбы и душевных порывах своих героев писатель увидел извечную жажду идеала – общественного и личного. По Тургеневу, эти нереализованные мечты толкали романтиков-преобразователей быть пророками и проповедниками *новой жизни* в России, устраивать ее лучший порядок. В этом взгляде на новую поросль русских людей Тургенев находил воспитательный смысл своего романа [Там же].

Обращаясь к образу русской молодежи, Тургенев становился невольным ответчиком по «делу» Чернышевского. Однако выступал он не на стороне революционного демократа. «Новь» была политическим и морально-культурным контрходом Тургенева, его антитезисом в трактовке новых людей. По сути, это был ответ Тургенева на подхваченную некогда самим Чернышевским тему тургеневских *детей*, которую он в своем романе «Что делать?» спроецировал в будущее, показав новых людей. Тургенев отвечал и предупреждал ту молодежь, которая ожидала призыва к действию, и восприняла героев Чернышевского как образец деятельного соприкосновения старому политическому порядку и жизненному укладу, о чем и свидетельствовал теоретик анархокоммунизма П.А. Кропоткин. Он говорил уже от лица своего поколения, которого тургеневский нигилист Базаров не мог удовлетворить, поскольку молодежь была настроена на быстрое исправление застарелых грехов России. Базаров был индивидуалистом, носителем идеи нигилизма, а *новые люди* от теории переходили к практике – они объединялись для *дела*. «В нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе “Что делать”, мы уже видели лучшие портреты самих себя», – писал Кропоткин [Кропоткин 1991, 407].

В «Нови» Тургенев наблюдал зарождение новой, духовно конфликтной России, в которой политическое убийство, как «дело» новых людей, стало способом решения социальных и моральных проблем. К моменту написания последнего романа Тургенева

десять лет как был открыт террористами счет покушений на Царя-реформатора. Общее ощущение трагедии отягощено в романе самоубийством «романтика реализма» Нежданова и уходом в «безымянную Русь» влюбленной в него революционерки Машуриной. Вот почему образ «безымянной Руси», возникающий в конце романа в удивленно-горестном восклицании Паклина [Тургенев 1982^a, 389], воспринимается как предсказание о неизвестной, но неминуемо надвигающейся беде.

Видя моральную исчерпанность социального утопизма и страхась радикального сценария политических действий, романтикам и революционерам Тургенев противопоставил постепеновца Соломина: сейчас нужны «...серые, простые, хитрые Соломины!» [Там же, 388]. «Новь» — это наблюдение болезни в развитии — той болезни обостряющихся противоречий между старым и новым порядком жизни, которая была ранее диагностирована Тургеневым в «Отцах и детях». В «Нови» Тургенев обнаружил в современной действительности странную болезненность и неестественность в отношениях и жизненных целях представителей старого дворянства и чиновничества — мира Сипягиных, и агентов-вестников нового мира — Неждановых, Маркеловых, Машуриных, Марианнх, чьи устремления кажутся утопическими, а потому бесплодными и безответственными. Тургенев диагностировал окончательный, поколенческий разрыв с нравственным миром отцов, лучшие представители которого желали для России постепенного эволюционного развития общественных институтов и роста ее культурного самосознания. Фокусируя свой взгляд художника, философа-просветителя на идеале свободы, неразрывно связанном с представлением о человеческом счастье и общественном благе, Тургенев увидел опасность в его политической «редукции», и, глядя на русскую историю с точки зрения философской идеи прогресса, происходящего в нравственном сознании и культурной жизни, дал свой прогноз-предостережение.

Обращаясь к молодежи и всему обществу, в «Нови» Тургенев свидетельствовал, что в русской душе и моральном сознании произошла деформация идеала свободы, его политическая радикализация и духовное выхолащивание. Эту симптоматику изменений и диагностировал писатель. Со всей определенностью на ситуацию нравственной болезни русского общества, выявленную Тургеневым в «Нови», пережив революционную катастрофу, указывает Н.А. Бердяев. Он подчеркивает, что «...революция была у нас кризисом и утеснением духовной культуры», поскольку русские революционеры отказались от моральной и культурной работы и жили «идеями Чернышевского, Плеханова, материалистической и утилитарной философией, отсталой тенденциозной литературой, они не интересовались Достоевским, Л. Толстым, Вл. Соловьевым, не знали новых движений западной культуры» [Бердяев 1994, 279].

Подводя итог, еще раз обозначим основную мысль статьи. Общепринятая оценка Тургенева как великого мастера русского слова, гениально передавшего черты национального характера, создавшего незабываемые и узнаваемые *тургеневские образы* русских людей, должна быть дополнена его развернутой философской характеристикой. Литературными достижениями масштаб культурной и интеллектуальной работы, проделанной Тургеневым, не ограничивается. Поэтому расширение исследовательской оптики в отношении к Тургеневу-романисту, которое я предлагаю в этой статье, позволяющее оценить художественно-аналитический метод писателя, с точки зрения его философско-исторической прогностики, будет способствовать более точному определению интеллектуального профиля писателя — философа истории и социального аналитика русской культуры.

Примечания

¹ Обобщающей попыткой философской тематизации творчества И.С. Тургенева стала Международная конференция Института философии РАН «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения» (15 ноября 2018 года). См.: [Никольский 2018].

² Роман был закончен в июле 1876 в Спасском-Лутовиново и опубликован в первых номерах «Вестника Европы» за 1877 г., №1, С. 5–136; № 2, С. 465–580.

³ Тема провала «Нови» была подхвачена и западными исследователями творчества Тургенева. Показательным является ее обсуждение в книге R. Freeborn [Freeborn 1960].

⁴ В. Зеньковский упоминает только двух авторов, рассмотревших философскую составляющую творчества Тургенева. См.: [Гершензон 1919], [Гроссман 1919].

⁵ В рамках разработки этой темы отмечу работу А.А. Кара-Мурзы, развивающую подходы к пониманию Тургенева как политического мыслителя и общественного деятеля либерального направления [Кара-Мурза 2018, 279–295].

⁶ Цитаты книги И. Берлина даны в переводе автора статьи (О. Ж).

⁷ Философскую тематизацию литературоведческого дискурса о Тургеневе можно отметить также в работах В. Риппа и Э. Аллен [Ripp 1980; Allen 1992].

⁸ Группа молодых людей обвинялась в ниспровержении существующего порядка. Процесс слушался с 21 февраля по 14 марта ст. ст. 1877 г., практически совпав с появлением романа в печати. С программными заявлениями на процессе выступили рабочий П.А. Алексеев, С.И. Бардина, Г.Ф. Зданович.

Источники – Primary Sources in Russian

Анненков 1983 – *Анненков П.В.* Литературные воспоминания /вступ. статья В. Кулешова. Москва: Художественная литература, 1983 [Annenkov, Pavel V. (1983) *Literary Memoirs* (In Russian)].

Бердяев 1994 – *Бердяев Н.А.* Русская идея // Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: в 2 томах. Т. 2. / Сост. В.М. Пискунов. Москва: Искусство, 1994. С. 204–286 [Berdyayev, Nikolai (1994) *Russian Idea* (In Russian)].

Гершензон 1919 – *Гершензон М.О.* Мечта и мысль Тургенева. Москва: Товарищество «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919 [Gershenzon, Mikhail O. (1919) *Turgenev's the Dream and the Thought*. (In Russian)].

Гроссман 1919 – *Гроссман Л.П.* Портрет Манон Леско: два этюда о Тургеневе. Одесса: Омфалос, 1919 [Grossman, Leonid P. (1919) *The Portrait of Manon Lescaut: Two Studies on Turgenev*. (In Russian)].

Грузинский 1918 – *Грузинский А.Е.* И.С. Тургенев (личность и творчество). 1818–1918. М.: Издание Т-ва «Грань», 1918 [Gruzinsky, Alexey E. (1918) *Ivan S. Turgenev (Personality and Work)*. 1818–1918 (In Russian)].

Достоевский 1989 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: Избранные страницы. Москва: Современник, 1989 [Dostoevsky, Fedor M. (1989) *Writer's Diary: Selected Pages*. (In Russian)].

Зеньковский 1958 – *Зеньковский В.В.* Миросозерцание И.С. Тургенева // Новый журнал. Нью-Йорк, кн. 52, 1958. С. 199 – 215 [Zenkovsky, Vasily V. (1958) *Turgenev's World Outlook*. (In Russian)].

Клеман 1930 – И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / собр. и коммент. М. К. Клеман; ред. и введ. Н. К. Пиксанова. Москва; Ленинград: Academia. 1930, XXXIV [Cleman, Mikhail K. (Ed.) (1930) *Ivan S. Turgenev in the Memories of Revolutionaries of the Seventies*. (In Russian)].

Кропоткин 1991 – *Кропоткин П.А.* Этика: Избранные труды. М.: Политиздат, 1991 [Kropotkin, Petr A. (1991) *Ethics*. (In Russian)].

Лавров 1967 – *Лавров П.Л.* Статья о романе «Новь» // Литературное наследство. Т. 76. М., 1967. С. 197–207 [Lavrov, Petr L. (1967) *The Article on the Novel "Virgin Soil"*. (In Russian)].

Ленин 1968 – *Ленин В.И.* Памяти Герцена. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 21. Москва: Издательство политической литературы, 1968. С. 255–262 [Lenin, Vladimir I. (1968) *In Memory of Herzen* (In Russian)].

Лосев 1991 – *Лосев А.Ф.* Русская философия. // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 209–236 [Losev, Alexey F. (1991) *Russian Philosophy*. (In Russian)].

Мазон 1931 – *Мазон А.* Парижские рукописи И.С. Тургенева. Москва – Ленинград: Academia, 1931 [Mazon, Andrew (1931) *Paris Manuscripts of Ivan S. Turgenev*. (In Russian)].

Соловьев 1991 – *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. Москва: Искусство, 1991. С. 227–259 [Solovyov, Vladimir S. (1991) *Three Speeches in Memory of Dostoevsky*. (In Russian)].

Степун 2009 – *Степун Ф.А.* Религиозный смысл революции // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. Сост. и коммент. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 377–398 [Stepun, Fedor A. (2009) *Religious Meaning of Revolution*. (In Russian)].

Толстой 1984 – *Толстой Л.Н.* Письмо Н.Н. Страхову от 25 января 1877 г. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 томах. Т.18. Письма 1842 – 1881. Москва: Художественная литература. С. 297–911 [Tolstoy, Leo N. (1984) *The Letter to N N. Strachov*. (In Russian)].

Тургенев 1982^а – *Тургенев И.С.* Новь // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. Сочинения. В 12 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] Москва: Наука. 1982. Т. 9. [Turgenev, Ivan S. *Virgin Soil*. (In Russian)].

Тургенев 1982^б – *Тургенев И.С.* Предисловие к романам // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. Сочинения. В 12 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] Москва: Наука. 1982. Т. 9. С. 390 - 396. [Turgenev, Ivan S. *Virgin Soil* (In Russian)].

Тургенев 1982^в – *Тургенев И.С.* Новь. Подготовительные материалы. 1. Заметка о замысле романа // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. Сочинения. В 12 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] Москва: Наука. 1982. Т. 9. С. 399–401. [Turgenev, Ivan S. *Virgin Soil*. (In Russian)].

- Тургенев 1983 – *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания. По поводу «Отцов и детей». // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. Сочинения. В 12 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] Москва: Наука. 1983. Т. 11. С. 86–97. [Turgenev, Ivan S. *Memoirs*. (In Russian)]
- Тургенев 1986 – *Тургенев И.С.* Речь на обеде в «Эрмитаже». Март 1879 // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. Сочинения. В 12 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] Москва: Наука. 1986. Т. 12. С. 336–337. [Turgenev, Ivan S. *Hermitage Speech*. (In Russian)].
- Тургенев 2012 – *Тургенев И.С.* Письмо М.Е. Салтыкову от 3 (15) января 1876 г. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. Письма. В 18 т. / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] Москва: Наука. [Turgenev, Ivan S. (1978–2016) *Complete Works and Letters*: in 30 volumes. Letters. In 18 vol., (In Russian)]. Т. 15. Кн. 1. Т. 15. Кн. 1. М., 2012. С. 10–14.
- Франк 1994 – *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: в 2 томах. Т. 2. / Сост. В.М. Пискунов. Москва: Искусство, 1994. С. 8–46. [Frank Semen L. *Russian Idea Among Writers and Thinkers of Russian Abroad*: in 2 volumes. Vol. 2. (In Russian)].

Ссылки – References in Russian

- Батюто 1972 – *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972.
- Буданова 1983 – *Буданова Н.Ф.* Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х гг. Ленинград: Наука, 1983.
- Жукова 2007 – *Жукова О.А.* История русской культуры в вузе: историческое знание и духовная традиция // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 1–10.
- Зильберштейн 1968 – *Зильберштейн И.* Страницы последнего романа Тургенева // Литературная газета. 1968, № 32, 7 августа. С. 7.
- Кара-Мурза 2018 – *Кара-Мурза А.А.* Иван Сергеевич Тургенев. «Я всегда был “постепеновцем”, либералом старого покроя» // Российский либерализм: Идеи и люди. / 3-е изд., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2018. Т. 1: XVIII–XIX века. С. 279–295.
- Миллер 2016 – *Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. (Журнал политической философии и социологии памяти). 2016. № 1 (80). С. 111–121.
- Никольский (ред.) 2018 – Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: Голос, 2018.
- Репина (ред.) 2014 – Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время. Сб. статей / Ред. Репина Л.П. М.: Аквилон, 2014.
- Ссылки на иностранных языках см. в разделе References.

References

- Allen, Elizabeth Cheresch (1992) *Beyond Realism: Turgenev's Poetics of Secular Salvation*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Batuto, Anatoly I. (1972) *Turgenev-novelist*,. Leningrad, Nauka (In Russian).
- Berlin, Isaiah (2008) *Russian Thinkers* /edited by Henry Hardy and Aileen Kelly, with an introduction by Aileen Kelly (2nd edition), Penguin Books, London.
- Budanova, Nina F. (1983) *Ivan S. Turgenev's Novel "Virgin Soil" and the Revolutionary Populism in the 1870 th.*, Nauka, Leningrad (In Russian).
- Freeborn, Richard (1960) *Turgenev: The Novelist's Novelist. A study*, Oxford Univ., London.
- Iggers, Georg; Wang, Edward Q.; Mukherjee, Supriya A. (2008) *Global History of Modern Historiography*, Longman, London and New York.
- Kara-Murza, Alexey A. (2018) *Ivan Sergeevich Turgenev. "Ja vseгда byl "postepenovtsem," liberalom starogo pokroia"*, Russian liberalism: Ideas and people. vol. 1: XVIII–XIX. 3rd edition, Kara-Murza A. (Ed.), Novoe izdatel'stvo, Moscow (In Russian).
- Miller, Alexey I. (2016) The Memory Policy in post-Communist Europe and its Impact on the European Culture of Memory, *Policy: Analysis. Chronicle. Forecast. (Journal of political philosophy and sociology of memory)*, No. 1 (80), pp. 11–121 (In Russian).
- Nikolsky, Sergey A. (Ed.) (2018) *Ivan Turgenev's Time. International conference "Ivan Turgenev: philosophizing writer and political philosopher. To the 200th anniversary of his birth"*, World philosophy day 15 November 2018, Golos, Moscow (In Russian).
- Repina (ed.) (2014) *Ideas and people: the intellectual culture of Europe in Modern times. Coll. Papers*, Aquilon, Moscow (In Russian).

Ripp, Victor (1980) *Turgenev's Russian: From Notes of a Hunter to Fathers and Sons*, Cornell University Press, Ithaca.

Zhukova, Olga A. (2007) The History of Russian culture in higher school: historical knowledge and spiritual tradition, *Voprosy istorii*, № 8. pp. 1–10 (In Russian).

Zilberstein, Илья (1968) Pages of the Last Novel by Turgenev, *Literaturnaja gazeta*, № 32, August 7. (In Russian).

Сведения об авторе

ЖУКОВА Ольга Анатольевна –

Доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор.

Author's information

ZHUKOVA Olga A. –

DSc in Philosophy, professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), professor